

Горевика

ВАСИЛИЙ
ЗАВАДСКИЙ

18+

Василий Завадский

Горевика

«Автор»

2026

Завадский В. С.

Горевика / В. С. Завадский — «Автор», 2026

Каждый год на Полесье, в жаркую июньскую ночь, словно мифическая Па́паратъ-квётка, расцветает Горевика – невиданная трава-ягода. На первую ночь – цветёт, на вторую – плодоносит, отравляя своим ядом всё живое и погружая окрестные сёла в кровавую вакханалию. Звереют люди, бесится скот, а Горевика пожинает кровавый урожай, пряча в своих лепестках смерть.

© Завадский В. С., 2026

© Автор, 2026

Василий Завадский

Горевика

– Горевика зацвела, не иначе! – посетовала баба Зина, похлопав Ночку по козлявому козьему заду.

Животное жалобно заблеяло, виновато взглянуло на хозяйку, вперив в ту равнодушные жёлтые глаза. Баба Зина всмотрелась в ведро, стоящее под козьим выменем. Эмалированное дно едва прикрывала маслянистая чёрная жижа. Молоко, больше похожее на дёготь, неестественно вспенилось, занялось большими серыми пузырями. Жижа бурлила, чавкала, будто закипала. Тёмный хлев с его самыми естественными запахами: молока, сена и дерьма – навонил сладковатый аромат диких трав и падали.

Баба Зина проглотила скисшую слюну, в животе заурчало. Старый желудок рычал расшвирипелым зверем. Она тяжело поднялась с приземистого табурета, взяла ведро с вонючим удоем и, шурша соломой, устилавшей песчаный пол, вышла из сарая. Вылив отвратительное содержимое на навозную кучу, что величаво возвышалась посреди хоздвора, баба Зина, гремя пустым ведром, вернулась в хлев.

– Пойдём, Ночка, пойдём, родненькая, – держа козу за бугристый рог, она вывела животное из сарая.

Ночка покорно следовала за хозяйкой к просторному вольеру, достойному волкодава. Сваренный из толстенной арматуры металлический куб больше напоминал медвежью клетку из зоопарка, нежели загон для скота.

– Посиди-ка тут денёк-другой, – сказала баба Зина, скрипнула ржавыми завесами массивная дверь загона. – Не нужно нам повторения прошлого лета, ведь так?

Неожиданно глаза козы побагровели: стали похожи на два выцветших знака «кирпич». Ночка заблеяла и, едва баба Зина повернулась спиной к вольеру, бросилась на железную изгородь. Рога звонко ударили о прутья, вольер загудел, будто огромный камертон.

– Вот и я говорю: не нужно, – попытожила баба Зина и дотронулась до урчащего живота. Под рёбрами неожиданно засаднил прошлогодний шрам.

Где-то хрипло запел проспавший рассвет петух. Протяжное, надтреснутое пение перемешалось далёким тонким лаем. Баба Зина, ополоснув измазанное чёрным ведро водой из бочки, стоявшей под водостоком, поковыляла к колодцу. Если Горевика и впрямь зацвела, – а, судя по чёрному удою, так оно и было – нужно было успеть натаскать воды впрок: наполнить ручейники, да на помывку посуды оставить ведро-другое.

– Дароу, Мартыновна! – баба Зина, поставив тяжкое ведро с водой, окликнула соседку. Та, вооружившись шваброй, сгоняла скворцов с черешни. Юркие крикливые птицы, не видя в старушке особой угрозы, снова и снова возвращались к пестрящей бордовыми плодами кроне.

– Здорóво, коль не шутишь, – ответила сухопарая Мартыновна и, точно острогой, ткнула шваброй в крону дерева. Стайка скворцов чёрной тучкой взмыла ввысь. Самые наглые птички приземлились на тонкие плечи-жерди пугала, стоящего поодаль.

– Я смотрю, срать они хотели на твоего страшили! – усмехнулась баба Зина, глядя на пугало, чья дряхлая одежонка пестрела белыми бляшками птичьего помёта. – Так они, кажись, этим и заняты.

– Говорила я этому бстолбню: зраби пугало, нормальное чтоб, как у людей, – жаловалась на мужа Мартыновна. – Так этот лодырь две жердины связал, онучу повесил, да котелок чугуный замест шляпы напялил! Ремесленник хренов!

Мартыновна тяжело выдохнула, смахнула со лба липкий пот, опёрлась на швабру и добавила:

– Говорит, не нравится пугало – так рядом стань. Вы, мол, и по комплекции схожи, и по рбзуму, а птицам всё равно кому на плечи гадить. А ты чего такая смурная?

Баба Зина грустно улыбнулась, протёрла слезящиеся глаза уголком повязанной пёстрой косынки:

– Горевика зацвела, Мартыновна. Как-то рано в этом году.

– А ты почём знаешь? Никак Ночка смолой доится?

Баба Зина кивнула, обернулась на вольер с беснующейся скотиной. Шрам, оставленный козым рогом, вновь засаднил.

Взгляд Мартыновны упал на ведро с водой, стоящее у ног соседки:

– Ты хоть пить её не вздумай.

– Вы поглядите! Яйцо курицу учит! – съязвила баба Зина. – Иди вон лучше скворцов своих дрессируй, а то, глядишь, черешни-то нажрут, да зенки вам с дедом повыклёвывают. А это, – взглянула она на ведро. – Так то не пить! Дай, думаю, натаскаю, пока в колодце ещё вода, а не дёготь. Хоть посуду ополоснуть будет чем. Пару дней я и на компотах прошлогодних протяну.

– Тоже мне, «курица» нашлась. Ты ж на год с гаком старше меня, – Мартыновна вновь ткнула шваброй в пышную крону, сбив плодов больше, чем утаскивают птицы. – Зато ты подохнешь раньше! – констатировала она и расплылась в кривой улыбке. – Так что там с Горевикой-то?

– Никак уже опылилась. К слову, а дед твой где? – спросила баба Зина соседку, глядя как та, вновь откопав топор войны, бросилась со шваброй к черешне.

– Да по чернику с утра ушёл. Туда, за Рыжий яр, – Мартыновна орудовала шваброй, точно штык-ножом. – Так пусть там, падла, и остаётся! Не пушу сегодня в хату. А коль вернётся, так пусть в сарае ночует. Авось успею на цепь посадить. Ты-то хоть в лес не ходила?

– В лес-то нет, а вот Ночку вчера на Лысом лугу пасла, – ответила баба Зина. – Сама грибов-ягод не ела, воды колодезной не пила, так что ты за меня не беспокойся, – она лукаво ухмыльнулась. – Не нападу, не порублю.

За спиной раздался звук клаксона. Скрипя гравием, к воротам подъехала знакомая машина. Хлопнула автомобильная дверь. Скрипнув калиткой, к дому бабы Зины заторопились две женщины: тощая, словно жердина, напоминающая стрекозу из-за нелепых солнцезащитных очков дама выдернула наушник из уха своей спутницы – такой же высокой, но более сдобной девушки.

– Ну и время ты выбрала, Зинка, каб гостей принимать, –бросила Мартыновна злорадно, забыв о своей кровной вражде со скворцами. – Никак опостылела тебе твоя дочурка?

– Привет, мам! – помахав рукой, выкрикнула Стрекоза.

– Не оставляй здесь дочку, Таня! – кричала баба Зина садящейся в автомобиль дочери. – Христом Богом молю, заberi!

– Мам, ну мы же за две недели договаривались, – Таня вставила ключ в замок зажигания. – Я не виновата, что у тебя память девичья. Это ж всего на два дня. Я в воскресенье с утра приеду за Каткой.

– Да при чём тут память? С ней у меня всё в порядке. Горевика цветёт, дура безмозглая! – не стесняясь в выражениях, баба Зина пыталась открыть заблокированную водительскую дверь. – Не оставляй здесь дитя!

Таня опустила стекло в двери, повернула ключ в замке зажигания.

– У тебя то Горевика цветёт, то Папарать-квётка распускается, то водяной коз топтит. Хватит! Я этого дерьма ещё в девичестве наелась. Знаешь, некоторым людям, для того чтобы

жить и воспитывать дочь, работать нужно. Понимаешь? Что ты мне предлагаешь? Шестнадцатилетнюю девку оставить одну в квартире на выходные? Нет уж, увольте! Я пока не готова стать бабушкой.

– Знаю я твою «работу». Как «работу» зовут на этот раз? Егор? Армен? А Катку ты мне не черни! Не все такие шалавы, как некоторые, чтоб в шестнадцать-то годков рогатку раздвигать! – отрезала баба Зина, перекрикивая рокот двигателя. – Это не я с трудом девять классов закончила, и не я вместо выпускного на сохранении лежала!

За семейной ссорой увлечённо наблюдала Мартыновна, повиснув на заборе всем своим цыплячьим телом. Она изредка стреляла взглядом на усыпанную багряными ягодами черешню. Причмокивала, облизывала тонкие губы и тяжело сглатывала, очевидно, борясь с вязкой слюной, наполнявшей рот.

– Деньги на продукты на этажерке, сменная одежда у Кати есть. – Таня нещадно рванула рычаг коробки передач. – Следи, чтоб не курила.

Машина строптивым зверем рванула с места, едва не наехав на ногу бабы Зины. Таня, лихо развернув автомобиль, лениво помахала рукой на прощание. Озадаченная баба Зина в сердцах выкрикивала вслед уезжающей дочери всё, что она о ней думает. Окутанная облаком поднявшейся из-под колёс пыли, баба Зина провожала взглядом удаляющийся автомобиль.

– Ой, какая Катка-то стала! Округлилась вся, налилась! Мясистенькая, здобненькая! – хрипло, словно ворона, прокаркала Мартыновна, игриво забрасывая в беззубый рот одну черешину за другой, не в силах больше сопротивляться неистовому голоду, внезапно вспыхнувшего пожаром в дряблом теле. – Запирай двери, Зинаида, – алый сок спелой черешни стекал по подбородку старухи. – Не то горя хлебнёшь.

– Я, конечно, не ждала ничего хорошего от этих выходных, но это уже перебор, – Катя пнула оцинкованное ведро, которое, по всей видимости, должно было служить ночным горшком. – Ты меня взаперти два дня держать будешь? Ещё на цепь посади.

– Авось не пригодится, на цепь-то. А на улицу нельзя! – баба Зина металась по дому, насколько хватало прыти её старому телу, занавешивала окна. – Скучно? Так книжку умную почитай.

– Поздно, ба. Батарея села, – Катя демонстративно помахала смартфоном и принялась рыться в рюкзаке в поисках зарядного.

– Что, в дупе свербит без этих ваших «музык»? – баба Зина пренебрежительно взглянула на мобильник. – Вон, вся этажерка классикой забита. Читай – не хочу. И электричества не просит.

Катя, пропустив бабушкины слова мимо ушей, подключила телефон к зарядке. Воткнула вилку в розетку. Мобильник ожил: чёрный дисплей рассекла голубая молния.

Катя посмотрела в своё декольте, где между грудей покоилась помятая, уже промокшая от пота сигарета, привезённая ещё из города. Очень хотелось курить.

– Ба, ну хоть во двор, воздухом подышать, – умоляла она бабушку. – У меня крыша уже едет от четырёх стен. Ещё и окна позакрывала. Тут ведь дышать нечем! Пожалуйста, ба!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.